

ЖАЛЕЙКА

На звук её, таясь от ребяташек,
бежал я по кустарнику, а там
бугор в кольчуге из сосновых шишек
отчаянно грозил босым ногам.

Но вот и пойма, мята: «Здравствуй, деда,
дай мне в жалею дунуть хоть разок!» —
Вступая чуть застенчиво в беседу,
тростинка подавала голосок.

А мой старик — он в сухонькой ладони
горсть земляничин спелых подносил:
«Ты, хлопчик, так — обида сердце тронет —
играй полям, авось прибудет сил».

И уходил, и вслед листву качало,
и от росы охватывала дрожь.
«Ещё когда придёшь?» — ему кричал я.
И эхо на всю жизнь:
«...когда придё-ёшь?..»

БЕРЁЗОВЫЙ ТУЕСОК

Внучонок иван-марьиных полян
и дерева с берёстою нагретой,
а дедушка из племени полян
рукою заслоняется от света
отвесного.

Хитринку обронив,
мох белой бороды своей погладил:
«На туесок и по лесу броди».

И, синими моргнув,
добавил:
«...младень».

С морозным скрипом крышку набочок —
и земляникою запахло донце:
сухой обыкновенный круглячок
весь в трещинах от времени и солнца...

* * *

Кладочка через овраг лопушиный —
сбиты скобой две дубовых доски.
Нет для испуга особой причины —
хоть оступался, а края достиг.

Жаль вот в судьбе оступиться под ветром —
и на шажок даже некуда нам.
Времени сзади — ни километра,
словно бы срезано всё по пятам.

Взгляд, если будет в отжившее брошен,
не возвратит ни дела, ни друзей.
— Кладочка, как же ты держишься в прошлом?
— Только на памяти светлой твоей.

ПОЗДНИЙ ХЛЕБ

И для меня он был за той чертою,
которую удача провела.
Летел я в жизнь, как на коне в ночное,
расхристанный ветрами, без седла;
«Эй, догони!»

А вот сегодня понял,
хотя считал и раньше, что не слеп,
да будет он благословен, хлеб поздний,
Работы и раздумий поздний хлеб.

Вы гляньте: стены крепостные, башни
в проломах, снесены пальбой зубцы,
как будто не стоял тут день вчерашний
и не ходили у бойниц стрельцы.

Вьюнок зелёный, листьев лепетанье
на тех камнях, где бился звон подков.
Безжалостен хлеб поздний созерцанья,
но лишь ему подвластна даль веков.

Настанет день, надвинется разлука,
а с ней и он, прозренья поздний хлеб.
Былая жизнь ударит каждым звуком,
куда бы ни бежал и ни был где б:
«Берёзка? Тут стояли...Песня? Пели
её вдвоём...»
Страшной недуга нет.

Вот почему оставь хоть ветку ели
нетронутой
в счастливый свой рассвет.
Чтобы начать вторую жизнь, как с вехи,
не обagrённой памятью былой.

О, поздний хлеб,
ты не дарован сверху.
О, поздний хлеб,
ты взят такой ценой.

ФАУСТ

Боюсь я стыка совести с согласьем:
их tete-a-tete, до срока не шалея,
аукнется таким вдруг своевластьем,
что крови

смыть его

не пожалеешь.

Казалось бы, и не видна уловка,
та, что готова душу горем тронуть,
а Фаусту уже боеголовка
привинчена: «Привет фауст-патрону!»

Всё правильно. Ни капли чувства риска.
Печальнее всего на свете повесть.
В конце её — ландо худого рикши
везёт, везёт разевшуюся совесть.

КОМПРАЧИКОС

1

Есть, друг Горацио, вещи такие,
что вылетают слова за строку,
словно бы шар

бильярдный

от кия

с пятнышком белым на гладком боку.

Лузы трещали — играли минёры
(кто ошибается только раз).

Госпиталь чуть размагнитил их норов,
хмурую настороженность глаз.

Не удалось этим двум, что играют,
лица свои уберечь от огня.

Больно смотреть: от края до края —
как развороченная броня.

Родина в стареньком белом халате
снимет бинты и проводит домой.
Если читали вы «Русский характер»,
я не сулю вам развязки иной.

На гимнастёрку нашивку наколют.
Люди раненье уважают.

...Но вдруг
в жизнь мою
врезется
не осколок,
душу отыщет
страшнее недуг.

2

Скажем, такое: компрачикос помнишь,
в ком так нуждался Иаков Второй¹?
Как воровали наследников в полночь
и уносили под чёрной полой?

Шайка анатомов подворотни:
час — и лицо у тебя не твоё.
Свежую кровь почуют вороны,
злее компрачикос, чем вороньё.

Выкрадут облик сестры твоей лиры.
Тихо. Не слышен и шорох подошв.
Выхолостят,

что невольно

на клирос

петь «Miserere»² аллегро пойдёшь.

Всё. Ты не тот — и до гроба, до гроба
ты, потерявший лицо, не у дел:
где твоя хартия вольностей, чтобы
правды добиться, которой хотел?

¹ Британский король Иаков Второй Стюарт (17 в.)

² Помилуй (лат.).

Если, однако, удастся добиться,
злые уста могут судьям сказать:
«Тем ли вручим мы наследство —
их
лица
не узнаёт даже мать?»

ВОЛХВА-ОСЕНЬ

Ладьи из дубовых досок плывут по Днепру.
Щиты на бортах, гнутый конёк впереди.
Приближаются, удаляются
деревья у самой воды, селища на холмах.
Ветер подует — облако листьев осенних
подымется и осыпает воду золотой чешуёй.
Кол, одиноко стоящий, дребезжит лошадиным черепом.
Солнце справляет янтарную тризну.
Ковш деревянный на светлой земле.
(«Князь Игорь и Ольга на холме сидят»).Осталось на каждом сучке по листку,
будто флажки на копьях.
Праматерь всех наших песен и сини в глазах,
волхва-осень!
С посохом, вырезанным в лесу, странствует терпеливо.
Посмотрит на листья — они багрянеют, как зори,
благославляет птиц — летите в дальние страны,
погладит русалку — спи, милая, жив твой жених,
любовь его рядом с тобою под камушком белым лежит.
Волхва-осень.

Пророческая пора.

Самец из оленьего стада сбивает с коня Мономаха,
куст прокалённых рогов пронёсся у самого сердца
намёком на то, как надо Русь защищать.
Дуб на поляне, не стой половецким шатром,
слышишь — дождём тростниковые стрелы шумят?
у новгородских причалов — норманнские суда,
словно подбитые птицы, вёсла в реку уронили.
А родина ожидает столетие за столетьем.
Глина просёлков никак не дождётся петровских ботфорт.

Улицу грязной деревни телега весь день колесует.
Но ждать оставалось недолго. Хотя б своего воплощенья:
болдинская осень вокруг опускает шлакбаумы,
к чернильнице приближается пушкинское перо.
Тихо. Чуть ветерок – и берёзы, как одуванчики, облетают.

Аминь!

Осень, волхва моя,
далее, далее что?

(Молчание)

– Не знаешь?

– Знаю.

– Ответь!

–...последней строкою.

ЗАБАВЫ

Я с детства не умел бывать менялой,
Однако, если у кого видал
Стекло увеличительное, днями
Ходил, чтобы оно досталось мне.
Я не канючил и не отступал.
И наконец однажды летним утром
Садился на крыльцо и наводил
Стегляшку выпуклую на запястье:
«А жжётся, если даже полминуты
Недвижно подержать», – я говорил
Соседскому парнишке. И бывало
На расписании уроков выводил
Таинственное имя, и дымилось
Оно – то имя, иногда огнём
Вдруг вспыхивало: пепел сиротливо
Кружился тихо. Но великодушно
Мне будущего не напоминал.
Однако не о том,
Наверно, я
Всё чаще вспоминаю те минуты,
Чтоб глубже почерпнуть благоразумья.

Нечаянно мы прозреваем вдруг,
Что детские потерянные игры –
Источники великих откровений,
Нам этого лишь было не понять.
И вот сегодня выпуклую линзу
Я отыскал среди рухляди чердачной
И поскорей на улицу. О боже,
Как остро жжётся солнечный пучок!
Подумалось: а ведь из ничего
Рождается отчётливое жженье,
Достаточно до точки низвести
Широкий ветер солнечный. А впрочем,
А впрочем, посещение забавы
Забыло от печали оградить.
Я жжение души на составные,
Как бы в обратном беге киноплёнки
Незримо разложил и тут увидел:
Мы из чужого в основном. Чуть ветер
Дыхание цветов с полей докатит,
Нам хорошо, и верится в благое.
А шум листвы среди ночи, в тишине
Едва-едва промчится воровато –
И рябь тревоги покрывает слово,
А тень стихотворенья: «Нет, не те
Товарищи со мной, чтоб выжить снова».
И вот не спишь уже, и страшно, страшно.
А ведь всего-то шум листвы среди ночи.
Так день за днём.
Марионетка звуков,
И цвета, и оттенков, и движенья.
И вечно сотни ниточек не дремлют
«А есть ли человек как таковой?»
Ей-богу, подождите улыбаться.
Забавы детства отвечают мне:
«Он – ничего, он лишь пучок лучей
В стекле увеличительном.

А жжётся...»